

АНАТОЛИЙ ФЁДОРОВИЧ
ТРУТНЕВ

**Рассказы о жизни
селян**

Анатолий Трутнев

Рассказы о жизни селян

«Издательские решения»

Трутнев А. Ф.

Рассказы о жизни селян / А. Ф. Трутнев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839792-9

Книга состоит из двух частей. В первой её части рассказывается о жизни селян в российской глубинке. Об их гражданских позициях в различных жизненных ситуациях. Во второй части представлен взгляд автора на историю будущего землян в третьем тысячелетии. Предсказан ход поиска контактов землян с внеземными цивилизациями и описаны возможные приемы преодоления барьеров непонимания между ними и инопланетянами.

ISBN 978-5-44-839792-9

© Трутнев А. Ф.
© Издательские решения

Содержание

Сакон	6
Искра	10
Кукушка	17
Ваня	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Рассказы о жизни селян

Анатолий Фёдорович Трутнев

© Анатолий Фёдорович Трутнев, 2017

ISBN 978-5-4483-9792-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сакон

Это было давно. В предвоенный 1940 год в мартовское межсезонье, когда зима ещё не хотела отступать, а весна не думала ещё начинаться.

В небольшом домике на краю деревни, под названием Большая Тарасовка, расположенной в северной части Саратовской области в маленькой и опрятной комнате, сверкающей чистотой, за обеденном столом в ожидании ужина сидел молодой 35 – летний мужчина. Его мускулистые руки с крупными пальцами опирались на стол, а мощная атлетически сложенная фигура выражала крайнюю усталость человека, весь день занимавшегося тяжелым физическим трудом. Через открытую дверь на кухню виднелась огромная печь и возле неё молодая красивая женщина, хлопотавшая над приготовлением ужина. В большом чугуне в красных отсветах жара, от сгоревших полениц дров, булькали наваристые щи, в чугунке, поменьше, доходя до кондиции, пыхла бело зернистая молочная рисовая каша. Вкусно пахло хорошо пропеченным хлебом, домашними пирогами и духмяными травами.

День был на исходе, за окнами стужались сумерки, поэтому комната, где сидел мужчина, ярко освещалась жарко горевшей десяти линейной лампой. Напротив него, за круглым столом, сидели два подростка тринадцати и двенадцати лет, и девочка девяти лет, готовившие домашние задания. Возле теплой голландки на кольце, ввернутой в матку потолка, была подвешена люлька с новорожденным. Её качала трехлетняя девочка, напевавшая песенку, которую слышала ежедневно от матери, когда та дела тоже самое. Это были мои родители и мои старшие братья и сестры.

Неожиданно в сенцах дома что – то сильно зашумело, послышались громкие шаги и в избу ввалился, громко фыркая как морж, старый друг отца казах Сакон в рыжей лисьей шапке ушанке.

Отец был одним из самых уважаемых селян в деревне. В колхозе «Большевик», так назывался в то время колхоз в нашей деревне, отец работал трактористом, но он был классный специалист, профессионал высокого уровня по выделыванию кож. Его отец, мой дед, приехал из Тамбовской губернии в нашу деревню ещё до революции и основал в ней артель по выделке кож. Ежегодно в зимний период из тамбовских сел и деревень к нему приезжали мастера своего дела и выделывали накопившиеся у сельчан в округе овечьи и бычьи шкуры. Делали они свое дело так виртуозно, что о их мастерстве знали за пределами Саратовской губернии.

Во время революции дед примкнул к большевикам и стал командиром красноармейцев, но в период НЭПа вернулся к своей былой профессии и быстро разбогател. Его красные сотоварищи этого ему не простили и в 1929 году ему преподнесли бойкот, то есть просто раскулачили. Дед такой подянки с их стороны не смог перенести, с горя запил, заболел и в 1931 году умер. Его молодая жена с неродной ему дочерью быстро продала дом и все остальное имущество и отбыла в Тамбов, а отец с матерью и тремя малолетними детьми, стали жить в теплом сарае. Местные власти, зная отца, как мастера своего дела и учитывая его пролетарское положение, сжалились над ним и не стали его преследовать, как сына кулака.

У отца была широкая хлебосольная душа и он очень высоко ценил дружбу. Его основным жизненным кредо была поговорка «не имей сто рублей, а имей сто друзей». И хотя в друзьях часто ошибался, сам он никогда их не предавал, но и не прощал также и предательства с их стороны. Однажды, когда появилась возможность, купить небольшой дом и перебраться в него из сарая, на все просьбы матери поскорее это сделать, отец решительно ответил отказом, мотивируя это тем, что не может идти на перебой задушевному другу Кузьки, который тоже хотел его купить. Мать чертыхаясь и кляня судьбу, тайком от него заняла деньги у брата, и заплатив на сто рублей больше Кузьмы купила дом и мы всей семьей быстро перебрались в него. Отец два месяца был в опале у своего «задушевного друга Кузьки», но затем после распития

нескольких бутылок водки и философских разговоров о кознях женского рода человечества, был окончательно и бесповоротно прощен.

Дружба отца с Саконем возникла, благодаря мастерству отца по выделке бараньих шкур, коих у последнего накапливалось великое множество. Она щедро поощрялась и со стороны местной власти. Отец так искусно выделывал шкурки ягнят, что все деревенские начальники, начиная от председателя колхоза и кончая завхозом, щеголяли в выделанных отцом каракулевых шапках и воротниках. Носила их не только местная знать, но и многие представители райкомовской и райисполкомовской власти. Не забывали отец и Сакон и себя, одаривая ими также и своих друзей.

Сакон, вместе с двумя женами, жил в маленьком поселке, состоящем из четырех глинобитных землянок, в которых жили ещё три казахских семьи. Летом они пасли отару в полторы тысячи голов, а зимой за ними ухаживали. Весной в период массового окота к ним приезжали поочередно сакманщицы, так называли женщин колхозниц, которые и помогали им по уходу за овцами, приносящих приплод. Это был самый вольготный период в трудовой деятельности Сакона. Он мог без всяких последствий для себя осуществлять основное кредо своей жизни «маленький кладем, а большой берем». И хотя, по законам колхозной жизни, количество народившихся ягнят должен был считать колхозный счетовод, но он, как говорится, был куплен на корню отцовским шкурками и саконовскими бараньими тушами. Потому записывал во все отчеты только те цифры, которые ему сообщал Сакон.

После взаимных приветствий, шкурки ягнят и две бараньи туши, привезенные казахом были тщательно припрятаны. Матери был дан приказ готовить незамедлительно большую сковородку яичницы, а большак Шурка был послан в кооперативный магазин за двумя бутылками сургучной водки и сладостями для детей Сакона, коих у него было семеро. Вообще для Сакона приезд в Тарасовку был сравним с посещением им Большой Земли. Здесь он закупал все необходимые хозяйству припасы сахар, соль, спички, водку, конфеты, хозяйственную утварь. Посещал народом и если везло, то мог посмотреть даже кинофильм. Но особое удовольствие он получал от наваристых щей, которыми его всегда угощала мать. Его жены не умели и не хотели использовать картофель и капусту в приготовлении пищи. а предпочитали им лапшу, готовили из дня в день «шурпу»

Была ещё в деревне одна примечательная личность, маленький и гнусный человек Пахомов Семен по прозвищу Щербак. Сельчане ненавидели его и боялись, ибо если кто — либо из них недостаточно уважительно относился к его персоне, то он мог накатать на того такую телегу. что тот мог мигом очутиться и в местах не столь отдаленных. За такие фокусы он был в большой чести у местного участкового милиционера. У Щербака был звериный нюх на все места в деревне, где выпивали или собирались это сделать. Он жил на улице по соседству с нами, поэтому он органически не мог пропустить визит к нам Сакона. Засунув в карман недопитую четвертинку водки, это был его постоянный взнос в кампании, где он участвовал в выпивке. он быстрыми шагами поспешил к нам в гости и буквально через пять минут перешагнул порог нашего дома.

Встретили здесь непрошеного гостя по — разному. Отец учтиво, он никогда не жалел куска хлеба и чарки водки для соседей. А вот мать с нескрываемой неприязнью. На дворе весна и куры ещё полностью не перешли к нормальной яйцекладке. В семье было пятеро детей и у матери каждое яйцо было на учете. Зная скверную привычку Щербака, в гостях есть за троих, мать заранее сокрушалась, предвидя, что тот съест половину все истраченных ею драгоценных яиц. А вот пользы от такого гостя никакой, кроме грязных следов от его сапог

Однако все планы по скорой выпивке и поедания сочной яичницы нарушил старший брат Александр, вернувшийся из магазина. Он, волнуясь, рассказал, что в деревню неожиданно приехали артисты со спектаклем из города Пугачева. Народ валом валит в клуб, и если не пойти сейчас, то на хорошие места уже не попасть.

Отец и Сакон, к вящему удовольствию матери, тут же засобирались на предстоящий спектакль. Разочарованный Щербак попытался их остановить, тем, что дескать он этих артистов знает, они и играть то путем не могут. но все его попытки не увенчались успехом. Бросив злобный взгляд на брата, принесшего так некстати эту новость, он забрал свою недопитую четвертушку водки и вышел со всеми вместе. Мать удовлетворенно вздохнула, первый раунд битвы за сковородку яичницы был явно за ней.

Нардом был битком набит зрителями. Пахло табаком и потом. Никто не хотел пропустить зрелища на халяву. Артистам колхоз платил не деньгами, а продуктами, зерном, мясом и крупами.

Несмотря на то, что в клубе, было людей, как говорится «некуда яблоку упасть», заведующий был одним из клиентов отца, поэтому быстро устроил его и Сакона в первых рядах зрителей, а братья Александр и Николай уселись перед ними прямо на полу.

Приезжие артисты ставили спектакль. Я не был на нем, но судя по рассказам матери это была одна из греческих трагедий, которые в те времена имели широкое распространение в репертуарах провинциальных театров. Спектакль начинался монологом главного героя трагедии. Его играл пожилой мужчина лет пятидесяти. Высокого роста пузатый, цыганской наружности. Весь заросший черными волосами с проседью и окладистой бородой. Но главной примечательностью его были глаза. Большие черные, на выкате как у быка. Они буквально гипнотизировали зрителей, и каждому казалось, что тот смотрит именно на него.

Один из артистов открыл занавес и на сцену вышел главный герой. В черном хитоне, бородатый, свирепо вращая своими огромными черными глазами. Он поднял руку перед собой, направил указательный палец прямо в зал и начал свой монолог. Я не знаю досконально этого монолога, но бородач, видимо, должен был произнести следующие слова...«Как тебя звать, увы, не знаю, но может сам ты подтвердишь...».

Указательный палец артиста, направленный в зал, Сакон воспринял как перст судьбы. В глубине своей души он постоянно боялся и ожидал неминуемой расплаты за свои аферы с ягнятами. Он знал, что все его колхозные покровители, кроме друга Федьки, неминуемо откажутся от него и оставят его один на один со злобными следователями. Ему часто снился один и тот же сон, как черный воронок увозит его в неизвестном направлении. Поэтому, когда приезжий артист, с паузами, растягивая слова произнес «Как звать тебя, увы, не знаю?». Сакон воспринял эти слова как команду злобного следователя, уж очень артист на него смахивал. Он быстро вскочил со своего места и громко на весь зал заявил, что его звать Сакон.

У не ожидавшего такого поворота в спектакле артиста сразу заклинило память и он, перепутав идущие следом слова.

– Не может быть, усомнился в ответ артист.

– Пачпорт есть, – ответил, вынув из кармана паспорт, запасливый Сакон.

Окончательно сбитый с толку артист, перепутав весь монолог.

– Кто может это подтвердить. путаясь, заявил он

– Да, вот хоть Федька, в ответ сказал Сакон.

Отцу ничего не оставалось, как только подтвердить слова Сакон.

– Да, это Сакон, – сказал отец.

Увидев, что полемизирующих с ним уже двое, а в зрительном зале присутствует множество, таких же бородатых и заросших морд как у него, он сделал для себя непререкаемый вывод о том, что сейчас будут бить и надо срочно рвать когти. Это он быстро и сделал, покинув сцену.

Занавес тут же закрылся, а зрительный зал оцепенел в ожидании продолжения спектакля, но время шло, а на сцене никто не появлялся. Первым пришел в себя Щербак. Он понял, что у него появился шанс продолжить несостоявшийся банкет, из за так некстати приехавших со своим спектаклем артистов. Выбрав момент, когда одна, из сидящих с ним рядом, зрительниц стала шумно выражать свое нетерпение по поводу прекращения спектакля, он дал ей

размашистую оплеуху. В ответ её приятель отвесил ему сокрушительный удар прямо в глаз. После этого в зрительном зале мгновенно завязалась свара. И весь её удар был направлен против основного виновника прекращения спектакля Сакона. В пылу драки, у него оторвали уши от его рыжей лисьей шапки и воротник у полушубка. Досталось и отцу, вступившемуся за своего друга, но у отца было много друзей и они быстро навели порядок.

Завязавшейся суматохой, спектакль был окончательно испорчен. Главный артист решительно отказался выступать на сцене, а без него продолжать спектакль было невозможно, о чем и было объявлено неудовлетворенным зрителям.

Больше всех, несмотря на разбитый нос, выиграл в этой кутерьме Семка Щербак. Он выпил все приходящие на его долю чарки водки, съел целую чашку наваристых щей с большим куском мяса и пока его собеседники философски обсуждали все перипетии не состоявшегося спектакля, уплел половину чугунка молочной рисовой каши. Мать её в основном то варила для детей, поэтому с нескрываемой злостью провожала каждую ложку, съеденной Щербаком каши, но ничего поделаться не могла, так как противодействие в этом плане отцом жестко карались.

Вот так закончился самый короткий спектакль в нашей деревне.

Искра

Время уже давно перевалило за полдень, но майское солнце продолжало одаривать знойным теплом не просохшую ещё окончательно весеннюю землю.

Трактористы колхоза «Большевик» на колесных тракторах «Сталинец – 6», растянувшись по полю, старались по быстрее закончить весеннюю вспашку колхозных земель. Один из тракторов стоял на лесной полянке, примкнувшей к колхозному полю, а его владелец пребывал в сладкой дреме, убаюканный теплым весенним теплом и легким прохладным ветерком, дующим от поля к лесу. Поэтому он и прозевал неожиданно появившегося, начальника политотдела МТС на двуколке, запряженной резвым рысаком гнедой масти.

Это был мой отец. Пахать он начал рано утром и к этому времени уже выполнил свою норму пахоты, но у него нас было пятеро и, чтобы нас достойно прокормить, ему необходимо было вспахать полторы или даже две нормы. У трактора Сталинец – 6 был крупный недостаток. При длительной пахоте масло внутри двигателя нагревалось до температуры 70⁰ С и переставало смазывать подшипники коленчатого вала, поэтому приходилось останавливать трактор, сливать горячее масло, делать перетяжку подшипников коленчатого вала и вновь, заливать масло в двигатель. Но для этой процедуры требовалось определенное время, чтобы остудить горячее масло, чем и занимался отец на лесной поляне.

Начальник политотдела Рахмановской МТС Михаил Делягин по прозвищу «Деляк» был колоритной фигурой. Отличился он тем, что будучи заместителем председателя Рахмановского сельского совета, в отсутствие своего начальника раскулачил семью своей родной сестры, вышедшей замуж за сына кулака, подвел под статью самого председателя и занял его место. Сии его художества, не остались незамеченными со стороны районного начальства НКВД, и в скором времени он очутился в кресле начальника политотдела Рахмановской МТС, которое обслуживало тракторами окружающие её колхозы. Делягин в порыве благодарности за оказанную ему честь, так рьяно начал исполнять свои обязанности, что все председатели колхозов и бригадиры тракторных бригад, обслуживаемых Рахмановской МТС, буквально «взвыли» от его причуд. У него была слава отвратительного человека и к нему тянулись такие же любители наушничать, как он. Они приносили ему доносы на своих соседей по дому, по работе. И те, за неосторожно обороненное слово, за недоносительство на дорогих им людей, попадали под политическую 58 – ую статью. Поэтому почти при каждом своем приезде в колхозы, он находил очередного врага народа, причем из среды самых трудоспособных колхозников. Затем следовало сто процентное осуждение и отбытие виновного на народные стройки.

Председатели колхозов не оставались в долгу и через свои каналы в Пугачевском райкоме и райисполкоме старались всеми силами избавиться от него. В итоге они добились своего, и Михаил Делягин стал одним из председателей колхоза. Во время войны за изнасилование молодой колхозницы был осужден и попал в штрафную роту, откуда уже и не вернулся.

Стоящий на краю лесной полянке трактор на фоне остальных тракторов, работающих в поле, вызвал приступ неопишуемой ярости у начальника политотдела, и он направил свою двуколку прямо к нему. Подъехав поближе, он увидел рядом с трактором мощную фигуру тракториста и в его воспаленном воображении мозгу, тот час же всплыла радужная картина, как он кладет в копилку своего начальства очередного врага народа, так нужного для народных строек страны. Соскочив с двуколки, он тут же набросился с яростной бранью на отца, обвиняя его во всех смертных грехах против советской власти. Назвал его подкулачником, разжигающим классовую вражду и подрывающим этим основы колхозного строя. Отец, зная скверный характер Делягина, с покорно виноватым видом выслушал все его обвинения в свой адрес и, улучив момент, когда тот замолчал, чтобы перевести дыхание, протянул ему старое испорченное магнето. Он попросил его, как самого профессионально с его точки зрения спе-

циалиста в этой области, помочь ему отремонтировать этот прибор, столь необходимый для безупречной работы двигателя.

Делягин был непроходимо глуп, но он понимал, что ему необходимо всеми силами поддерживать статус – кво своей должности. Со всеми окружающими его людьми, кроме своего и райкомовского начальства, он предпочитал разговаривать свысока. Давал руководящие советы астрономической глупости, профессионалам в областях, о которых не имел ни какого понятия. Те, помня о его стремлениях выслужиться перед начальством, путем всевозможных способов поиска врагов народа, предпочитали не связываться с ним, делали вид, что очень ему признательны за эти советы. Он взял из рук отца испорченный магнето и с умным видом несколько минут изучал его, временами перекидывая его из одной руки в другую. Затем строгим голосом спросил, как и каким образом магнето поломалось. На это ему отец смиренно сказал, что по нечаянности повернул магнето так, что из него упала искра и затерялась в густой траве, и он вот уже полчаса никак не может найти беглянку. Завести же двигатель без магнето ни как невозможно. В ответ Делягин прочитал отцу наставление о том, как надо бережно относиться к этому важному для трактора прибору. Несколько минут помогал отцу найти в густой траве пропавшую искру. но, вскоре ему это занятие надоело. Он вспомнил о своих неотложных делах, похлопал приятельски отца по плечу, и укатил на колхозный стан. Там он, менторским голосом, указал бригадиру тракторной бригады на существенные недоработки с его стороны с трактористами по бережному обращению с вверенной им государством техникой. Приказал послать в помощь трактористу разгильдяев, прохлаждающихся на стану возле кухонных котлов, на поиски потерянной по неосторожности искры. Свой приказ он мотивировал тем, что не может допустить простоя ни одного трактора, в столь благоприятные погодные условия для вспашки колхозных полей. Бригадир с почтительностью выслушал миф о пропавшей искре и, прихватив с собой двух подростков, приехавших пообедать на стан, быстро выехал в поле к тракторам.

Отец к этому времени, отремонтировал трактор и присоединился к остальным трактористам, занятым на весенней вспашке колхозных земель. Они вместе с отцом посмеялись над дурацкой выходкой «Деляка», но бригадир посоветовал отцу больше не прибегать к таким экспериментам, напомнив ему горькую участь его друга, который имел неосторожность подшутить над Делягиным.

Романа Клевцова по прозвищу «Ураган» с моим отцом связывали узы дружбы с молодых лет. Это была широкая увлекающаяся натура. Он любил выпить, хорошо закусить, побалагурить. Основным его жизненным хобби были шутки. Шутить и подшучивать он любил по всякому поводу и без повода, за что был не раз бит нещадно, но никогда не унывал. Имел взрывной характер, мог сгоряча наговорить много обидных слов, а потом имел мужество попросить у обиженного им человека прощение. Был душой компании, никогда не предавал друзей и был готов поделиться с ними последним куском хлеба. За эти качества характера друзья его любили, уважали и прощали ему все его шутки над ними. Но однажды это его пристрастие сыграло с ним самим горькую шутку.

Дело было в августе, после уборочной страды. Тракторная бригада, членом которой был Роман, занималась подъемом осенней зяби. Трактора были маломощные, объем работы очень большим, поэтому трактористы, чтобы уложиться в срок до замерзания почвы, когда их трактора уже не могли вести качественную вспашку, работали от зари до зари, делая перерыв лишь на обед. Такое физическое напряжение их сильно изматывало и они становились раздраженными и хмурыми. И вот, чтобы их немного взбодрить Роман решил поставить для них импровизированный им спектакль.

Он остановил свой трактор на краю вспаханного поля, справил большую нужду и накрыл её содержимое большим листом лопуха. Затем разжег костер и начал бегать вокруг него.

– Сюда, помогите, – кричал он трактористам, размахивая руками.

Те, услышав его крики, остановив свои трактора прямо в загоне. сбежались к нему

– Что случилось, спросили они у него?

– Вот, из этого оврага, только что вышла молодая красивая женщина, – отвечал им Роман,

– Почему, вы молодые красивые мужики, а такие хмурые и не радостные, спросила она меня.

– Неужели вас не радует теплое майское солнышко, прохладный ветерок, птичьи песни, пьянящий весенний воздух, пропитанный ароматом цветущих трав?

– Что же вы работаете без перерыва с утра до вечера, как заведенные? Остановились бы, отдохнули, по смеялись, спели бы хорошие песни.

Зная его любовь к шуткам и в тоже время зачарованные его рассказами, трактористы не знали, что делать. Тем временем задумки Романа обретали определенные успехи. Хмурые выражения лиц его друзей, под воздействием его рассказов, потихоньку сменялись задорностью и весельем. Усталые плечи их постепенно распрямлялись и наливались жизнерадостной силой. Они стали подшучивать друг над другом и над Романом. И тут случилось непоправимое.

Неожиданно на импровизированной сцене появился, как черт из табакерки, непредвиденный режиссером персонаж, вездесущий Делягин. Увиденная им картина повергла его в ужас. В самый разгар, мероприятий государственной важности, битвы за осеннюю зябь, все колхозные трактора простаивали. Гнев охватил его до такой степени, что у него временно заклинило челюсть, и он на несколько секунд потерял дар речи. А когда оправился, то начал извергать из себя потоки угроз и запугивания.

– Паразиты, подкулачники, скрытые враги советской власти, да как вы смеете, оставлять без работы доверенную вам государством технику, весь побагровев, орал он на трактористов.

Роман, выслушав Делягина, понял, что из за него, тот подведет под статью всех его друзей и решил взять всю вину на себя. Улучив момент, он обратился к нему, и повторил свой рассказ, представив его как чудо. Делягин хмуро его выслушал.

– И где же она теперь, это твоя красавица? Обратился он к Роману?

– После наших разговоров с ней, она обратилась в птичку, и я её накрыл вот здесь, указав на место, укрытое лопухом, – ответил Роман,

– Тогда, сейчас же, достань её оттуда, – приказал Делягин Роману.

– Ну, уж нет, я не хочу, чтобы у меня отсохла рука, мне надо работать, чтобы кормить своих детей, ответил тот

На все уговоры, остальных трактористов, достать птичку, они все, как один решительно отвечали отказом. Тогда, обозвав их мракобесами и прислужниками церкви, Делягин сам засунул руку под лопух и вытащил оттуда все содержимое. Выпучив глаза, он несколько секунд рассматривал свою руку. а затем выдал из себя.

– Это, что такое. голосом, напоминающим рык, разъяренного животного. – спросил он у Романа.

– Ну, я не знаю, – ответил тот. Она, наверное, насрала и улетела.

– Я покажу тебе. как шутить в рабочее время, злобно процедил Делягин и укатил в МТС.

Он сдержал своё слово. Через несколько дней ночью к дому Романа Клевцова подъехал черный ворон и разлучил его на двадцать лет со своей семьей.

Все двадцать лет Роман Клевцов отсидел от звонка до звонка. Тяжелый физический труд в совокупности с суровыми лагерными условиями жизни, наложили на него свой отпечаток. Уходил он из родной деревни молодым, атлетически сложенным, с тонким красивыми чертами лица, а вернулся вновь совершенно другим человеком. Изборожденное, морщинистое старческое лицо, согнутые плечи, не гнущаяся в колене нога, изуродованная на лесоповале, делали из него согбенного старика.

К нам в гости Роман Ильич пришел на третий день после своего приезда в Тарасовку. Отца к этому времени не было уже в живых, Я был студент и во время каникул делал наруж-

ную обшивку своего дома. Он молча постоял, наблюдая за моей работой, попробовал остроту заточки, используемых мною инструментов и остался доволен.

– Молодец, хорошо держишь марку своего отца, сделал он окончательную оценку моей работы.

Вышедшая к нам мать, пригласила его в гости. Приняла его как самого дорогого гостя, выставив на стол все самые лучшие угощения, что были у нас в доме. Мы выпили с ним бутылку водки, и я заметил, как он преобразился, глядя на нас матерью. Его глаза источали радость жизни, светились теплотой и дружелюбием. В нашем обществе он как будто сбросил двадцатилетний груз, который его давил в заключении. Мы тоже чувствовали с ним себя с ним легко и непринужденно, как с давно знакомым и дорогим нам человеком.

– Знаешь, Анатолий, ты своими повадками и фигурой, прямо литой отец, вот, гляжу я на тебя. и, кажется мне, что сидим мы сейчас за столом с твоим отцом, как молодости, – заметил он.

На прощание он обнял меня, поглядел ласковыми отцовскими глазами. прослезился, и ушел. Больше я его никогда живым не видел.

Прошли годы, я закончил институт, получил профессию инженера лесного хозяйства и покинул родную деревню. Работал лесничим, главным лесничим и по долгу службы жил в различных по природной красоте местах. Но время от времени приезжал на родину. где мне всегда были рады мои родные и дорогие мне мать и сестра. Где все мне напоминало проведенные здесь детские и юношеские годы. Здесь я мог бесконечно любоваться безбрежными просторами степей, опоясывающих отроги Большого Сырта. С наслаждением вдыхать запахи и ароматы степных трав, растущих по берегам речки, под названием Камелик. В летнее время эту тихую горную речку можно было во многих местах перейти в брод, но в весеннее половодье она превращается в могучую реку, способную нести большие плавучие средства. Существуют научно доказанные сведения, что именно по ней Ермак Тимофеевич выводил свои струги в пору её весенних разливов из под Уральска на Волгу. В один из таких приездов я и узнал грустную историю дяди Романа, произошедшую в последние годы его жизни.

В период хрущевской гигантомании, наш колхоз «Большевик» был присоединен к совхозу «Труд», общая площадь пахотных земель, которого составляла более 70 тысяч гектаров. Директор этого сельскохозяйственного гиганта, проработавший в нем более двадцати лет, смог посетить Тарасовку, лишь дважды.

Выйдя на пенсию, Роман уехал жить на центральную усадьбу совхоза, прикупив там небольшой дом. Пенсия у него была небольшая, всего десять рублей, и чтобы прокормиться ему надо было, как то прирабатывать. Устроиться на работу с достойной зарплатой из за возраста и судимости, он не мог, поэтому стал ночным сторожем. Охранял дядя Роман центральную контору совхоза. Еще он пускал на постой водителей, приезжавших в совхоз на помощь по вывозке зерна в уборочную страду. Оплату за постой с водителями он не брал, но было одно условие по их проживанию. В последний рейс по вывозке зерна водители не особенно тщательно подметали кузова своих машин. За них это делали дядя Роман с женой. В результате они каждый день получали ведро отборного зерна. Трудился дядя Роман в должности ночного сторожа около двух лет, потом грянула беда.

В середине августа в разгар уборочной страды, в контору центральной усадьбы, из Пугачевского отделения Госбанка инкассаторы привезли деньги для зарплаты работников совхоза. День был на исходе и главный бухгалтер принял решение оставить деньги в сейфе конторы с тем расчетом, чтобы утром следующего дня приступить к выдаче зарплаты. Весть о том, что завтра выдадут зарплату, мгновенно облетела все подразделения совхоза, Однако о том, что деньги закрыты на ночь в сейфе конторы, Роману никто не сказал. Поэтому он как обычно в 11 часов вечера проверил сохранность всех замков, висевших на дверях конторы, и отпра-

вился в гости к куме, пригласившей его с женой на день своего рождения. Утром, пришедшие на работу работники бухгалтерии, обнаружили, что сейф вскрыт, а деньги из него исчезли.

Сумма пропавших денег составляла 134 тысячи рублей и по тем временам была огромной. Чтобы её вернуть была образована специальная группа. В неё вошли районные и областные следователи, а возглавил её следователь по особо важным делам из Москвы.

В процессе следствия было установлено. Воры убрали оконные стекла и проникли в контору. Там они автогенном разрезали сейф и взяли деньги. Были опрошены сотни людей, проведены десятки следственных экспериментов, но никаких зацепок следователям обнаружить не удалось. А тем временем, страсти накалялись. Дело о краже в особо крупных размерах, вышло на самый высокий уровень. Начальство давило на следователей, требовало любыми путями найти похитителей. Тогда, следователи приняли решение, произвести обыск у ночного сторожа. И получилось как всегда, искали одно, а нашли другое, три центнера отборной пшеницы.

Романа арестовали и посадили в сизо Пугачевского Городского отделения милиции. Там у него случился приступ аппендицита. Его оперировали в городской больнице, а так как он был стар и слаб, то врачи настояли, на том, чтобы его оставили там под их наблюдение. Следователи дали на это согласие, но он проходил у них как государственный преступник, поэтому для его охраны выделили молодого солдата внутренних войск. Дядя Роман был ни в чем не виноват. Свою невинность он полностью доказал это следователям в процессе допросов. Во – первых его никто не предупредило том, что сейфе конторы находится такая крупная сумма денег, если бы он об этом знал, то отказался бы их охранять, потому что это не входило в перечень его обязанностей. Во – вторых такую крупную сумму денег должна охранять вооруженная охрана, а у него не было никакого оружия. Но следователи не приняли его доводы, а продолжали настаивать на своих обвинениях в его участии в похищении денег. Он видел в действиях этих молодых, но, по его мнению, ранних и ушлых следователей, не умирающего Деягина. Они и не думали заниматься трудными, требующих больших интеллектуальных усилий, поисками настоящих похитителей денег. Им было проще в угоду начальству обвинить в этом не виновных.

Однажды ночью, когда за окном гремела гроза, хлестал проливной дождь, а его больного прикованного к постели старика охранял солдат, чтобы он не убежал, он понял всю абсурдность ситуации по поиску виновных в краже денег, в которую загнали сами себя эти горе следователи. И решил подшутить над ними, показа всю их дурную сущность и посмеяться над ними. Он осторожно разбудил задремавшего солдата и обратился к нему.

– Сынок, я тебе скажу одному, но ты только не говори ни кому, понизив голос до шепота, сказал ему Роман

– Это мы с подельниками украли деньги. Они убежали, а я попался. Но они оставили мне долю пять тысяч рублей. Мне уж отсюда не выйти, но ты их сможешь взять. Они спрятаны в керамзите рядом с пятым перерубом в крыше совхозного курятника. За это принеси мне передачу один килограмм сухарей и две бутылки и пива, рассказал он солдату.

Утром солдат о ночном разговоре доложил своему начальству. Для проверки достоверности этого разговора районный следователь спешно выехал на центральную усадьбу совхоза. Вся крыша курятника была тщательно перерыта, но естественно ни каких денег никто не нашел.

Обозленный следователь явился к деду Роману и на повышенных тонах объяснил тому, что ему грозит за введение следствия в заблуждение. Три дня он применял к нему поочередно метолы кнута и пряника, но дед Роман молчал как партизан. На четвертый день он пошел на сделку со следователем и за обещание того, сделать все возможное, чтобы уменьшить срок наказания, указал тому новое местонахождение денег, а именно, четвертую яблоню в пятнадцатом ряду в совхозном саде. Воодушевленный надеждой получить очередную звездочку, сле-

дователь срочно выехал в совхоз. Там быстро провели необходимые раскопки, но и они были безрезультатны

Понимая, что дядя Роман издевается над следователями, за него взялся москвич. Спокойным и холодным тоном он пообещал старику, что если тот не назовет имена своих поделщиков и не укажет настоящее местонахождения денег, то весь остаток своей жизни проведет в психушке. От этих слов следователя дед Роман, нарочито, затрясся и с мольбой обратился к тому со словами о том, чтобы он пожалел старика, а за это обещал все сердечно рассказать. Имена поделщиков он не знает, а знает только их клички – Сарафан и Перхоть. Основную сумму взяли они, а его долю оставили в железном ящике в воде на левом берегу речки Камелик, напротив его дома. Несмотря на осеннее похолодание, вызванные следователями водолазы, самым тщательным образом обыскали речное дно в местах указанных стариком, но тоже ничего не нашли. На последнем допросе дед Роман высказал в лицо следователям все, что он об них думает. Особо уполномоченный следователь из Москвы сдержал своё слово и упек дядю Романа в психиатрическую больницу, откуда через два месяца его мертвое тело привезли на родину и похоронили.

А украденные деньги случайно нашли через пять лет. В Саратове задержали группу молодых людей, обворовавших магазин. Среди них был казах. Его, осудили и дали пять лет. Он отсидел три года и освобожден по УДО. Сразу же после освобождения он купил новенькие «Жигули». Им заинтересовались и потребовали объяснения, откуда он взял деньги на покупку, и он все рассказал. Работал он на саратовском комбайновом заводе и вместе с другими рабочими этого завода был послан в командировку в совхоз «Труд» на уборку зерна. Поработав на центральной усадьбе, он увидел всю безалаберность в получении и хранении денег в конторе этого совхоза.. Он попросил совхозное начальство отпустить его по семейным обстоятельствам на три дня и, получив разрешение, уехал в Саратов. Там он встретился с поделщиками, обрисовал всю картину легкого получения крупной суммы денег и вместе с ними инкогнито возвратился в совхоз. Они устроились в одном из пустующих домов в заброшенном поселке. Молодой казах вернулся на прежнюю работу в центральной усадьбе совхоза. Своевременно узнал о появлении крупной суммы денег в совхозной кассе, а также о том, что деньги закрыты в сейфе конторы и будут там лежать всю ночь. Он немедленно проинформировал об этом своих друзей и они в ту же ночь решили совершить ограбление. Казах лично сопроводил деда Романа от конторы совхоза до калитки его кумы, где тот планировал отпраздновать её день рождения. За тем вернулся к своим друзьям. Они безбоязненно выставили стекла из окон конторы, влезли в неё, разрезали автогенем сейф и взяли из него деньги. Потом пешком прошли шесть километров, отделяющих контору совхоза от автомобильной трассы Перелюб – Пугачев, и возле километрового столба поделили деньги. Молодому казаху за наводку выделили премию четыре тысячи рублей, которые были выданы Госбанком мелочью. Весили они почти десять килограмм и, чтобы не привлекать к себе лишнее внимание во время выезда с места кражи, он их закопал возле столба. В 4 часа утра они остановили проходящие по трассе грузовые автомобили, груженные зерном, и добрались на них до Пугачева. Оттуда таким же самоходом до Балаково. Там сели на пароход и на второй день приплыли в Саратов. Поэтому их поиски по горячим следам не дали никаких результатов. Следователи начали их искать во второй половине дня в Перелюбе. На автовокзале и железнодорожном вокзале в города Пугачеве, а они в это время уже плыли на пароходе в Саратов.

Об этом рассказал казах на следственном эксперименте. Закопанную мелочь он так и не решился взять, забоявшись засветиться при её раскопке. Она была изъята при проведении следственного эксперимента, но не полностью, так как мешок с деньгами был при разрезке сейфа автогенем поврежден. Казах нес его в темное время, поэтому не разглядел повреждения мешка и рассеял мелочь на всем пути своего следования. Наши сельчане, после проведенного эксперимента, ещё долгое время находили обороненные металлические деньги, Я тоже нашел

там две пятикопеечные монеты и храню их до сих пор, как память о дяде Романи, о самом уважаемом мною человеке. А мучившие его следователи, виновники его преждевременной гибели, даже не удосужились принести его родственникам своих извинений.

Вот так и закончилась эта грустная эпопея Романа Клевцова, неудержимо любившего жизнь человека. Умевшего и любившего доброжелательно посмеяться над своими и чужими недостатками. Несмотря на тяжелые испытания выпавшие на его долю, он не озлобился, а всю свою оставшуюся жизнь дарил окружающим его людям теплое отношение и доброжелательность. Сейчас я гляжу на его жизнь с высоты своего возраста и прихожу к убеждению, что вот такие люди, как Роман Клевцов, и держат на своих плечах духовность, доброту и милосердие, без наличия, которых общество теряет свой человеческий облик. И к своему горькому сожалению я все больше и больше убеждаюсь, что таких людей в российском обществе становится все меньше и меньше. а вот Делягиных все больше и больше. И дай бог, чтобы я ошибался

Кукушка

Эту нашу деревенскую боль мне рассказала мать. Хмурым сентябрьским днем 1941 года, из нашей деревни провожали на фронт молодых семнадцатилетних ребят. Какая то, гнетущая свинцовая тяжесть нависла над деревней. Обычно оживленная, наполненная жизнерадостными звуками, она как будто оцепенела, даже деревенские собаки, любившие полаять по всякому поводу, молчали, строго соблюдая тишину. Казалось, что сама природа протестует против такой чудовищной несправедливости, как отправка молодых ребят в адские жернова войны, где их неокрепшие тела, не налившиеся ещё мужской жизненной силой, будут рвать в клочья, летящие в них пули и снаряды. Солнце заслоняли рваные серые облака, мчащиеся по небу с огромной скоростью и из них временами, как горькие слезы, выливались и падали на землю волны морозящего дождя.

Время шло, все вокруг постепенно светлело. Сельчане стали потихоньку собираться возле сельского Совета, откуда планировалась отправка новобранцев на пересыльный пункт города Пугачева. Лица у всех провожающих были угрюмыми. Добротны одетые, с вещмешками, наполненными заботливыми материнскими руками самой лучшей снедью, которая была дома, отдельной стайкой стояли призывники. Они старательно гнали от себя гнетущие их мысли о предстоящих встречах с жуткими картинами войны, но те вновь и вновь возвращались к ним, накладывая свои отпечатки на их лица.

Всем было тяжело, но особенно переживали матери, отдававшие в пекло войны, все самое дорогое, что составляло основу их жизни. Многие из них плакали, потихоньку, чтобы не привлекать к себе внимания своих сыновей, смахивали платочками катящиеся слезы. Из их среды выделялась одна женщина. Два месяца назад, она проводила на фронт мужа и до сих пор не получила от него никакой весты. И вот теперь пришла пора провожать и сына. Женщина почти, не могла стоять, и её поддерживали, стоящие рядом её подруги. Она все время рыдала и приговаривала.

– Да, куда же ты идешь, милый сыночек, да, не увижу уж я больше тебя никогда, и не услышу я твоего родного голосочка, и не пробегут больше твои ножки по нашей горнице, и не постучат твои рученьки в моё окошко. громко вздохнула, голосила она.

Ребятам было так тяжело, а тут мать с такими словами, от которых веяло такой горькой безысходностью, что Николай не выдержал и подошел к матери.

– Что же ты мать, меня прежде времени хоронишь, видишь, вот я стою перед тобой живой и здоровый, – обратился он к ней, крепко обняв.

Тут стоящие рядом с ними женщины стали её успокаивать.

– Что же, ты Акулина, рвешь сердце у своего сына, терпи, ведь всем нам также тяжело, как и тебе, – говорили они ей.

Мать, продолжая всхлипывать, прижала сына к себе. И тут случилось чудо, о котором поколения наших сельчан, потом передавали своим детям многие годы.

Внезапным порывом, ветер разорвал в клочья и разметал по небу серые тучи. Из образовавшегося окна выглянуло солнце, и её ласковые лучи быстро обогрели землю и все живое вокруг. Весело защебетали птицы, а теплый ветерок принес из деревенских садов запахи спелых яблонь и груш. В воздухе появилась белая паутина, атрибут бабьего лета. Но главный сюрприз чуда ждал всех собравшихся людей, впереди.

В кроне огромного тополя, стоявшего на берегу реки на околице деревни, появилась, неизвестно откуда взявшаяся кукушка и закуковала. Это из ряда вон выходящее явление, сразу же привлекло внимание всех жителей деревни. Они хорошо знали, что кукушка кукует в июне – июле и никогда не кукует в сентябре, поэтому от её песни их охватил суеверный страх. Все сразу же притихли, и наступила грозная тишина. Её прервал Николай. Он осторожно осво-

бодился от матери, передал её стоящим рядом женщинам, а сам вышел и повернулся в сторону куковавшей кукушки.

– Кукушка, кукушка, сколько лет мне осталось жить, громко спросил он у неё.

Кукушка перестала куковать. как бы прислушиваясь к словам парня и решая его судьбу. Суеверные женщины замахали на него руками. и просили его не испытывать свою судьбу, но он упрямо стоял на своем.

– Кукушка, кукушка, сколько лет мне осталось жить, громко повторил он снова свой вопрос, обращаясь к кукушке.

И та, как бы, уступая его просьбам, трижды прокуковала ему в ответ, а затем вспорхнула и улетела.

– Вот видишь мама, радостно обратился он к матери.

– Вернусь я живым домой, – разве продлится война столько лет?

Природное чудо, свершившееся на глазах стольких людей, оказало благотворно неизгладимое на них влияние. Все сразу как то приободрились. У матерей высохли слезы и они начали тихо переговариваться между собой, Акулина перестала плакать и ласково глядела на сына, как бы одобряя его поступок. Призывники и молодые девчата и ребята, пришедшие их проводить. стали перебрасываться шутками, помогавшие им снять гнетущее напряжение проводов.

К этому времени, к зданию сельского Совета, подъехала автомашина, присланная из Рахмановской МТС, а с ней и представитель Пугачевского военкомата. Вышедший к нему на встречу председатель сельского Совета, отдал ему список призывников. Тот их взял и отдал распоряжение, всем провожающим проститься с новобранцами.

Все, пришедшие на провода, стали проходить, стараясь сдерживать себя, эту тяжелую для них процедуру. Многие, отходя со скорбными лицами, смахивали слезы. Затем, приехавший военный, поставил призывников в строй, сделал перекличку и дал команду на посадку.

Водитель автомашины дал три прощальных гудка, и машина быстро покатила в сторону Пугачева. Матери призывников стали горько плакать открыто, не скрывая слез.

А кукушка ошиблась, не вернулся парень с фронта, отдал на алтарь победы свою молодую жизнь.

Я не мистик, но ничем разумным не могу это объяснить. Почему, никогда не слышавшие о нашем деревенском чуде с кукушкой, как будто о нем, удивительно красивые стихи написал поэт Кочетков, под названием «Кукушка». а композитор Лученок положил их на музыку и создал высоко эмоциональное музыкальное произведение. И в этом плане, полностью разделяю слова российского ученого, лауреата Нобелевской премии Жозефа Алферова, который сказал... «Я убежденный атеист, но с возрастом все больше и больше убеждаюсь, что в мире присутствует, что то таинственно разумное».

Когда я слушаю эту песню, в исполнении белорусского соловья Ярослава Евдокимова, обладающего изумительным по окрасе лирико-драматическим баритоном, то, представляю себе своего земляка, вечно молодого, жизнелюбивого Николая Семькина, который из невозвратной стороны, его голосом и словами песни, общается с нами, живущими на земле, благодаря ему и таким, как он.

Ваня

В середине августа резко похолодало. Подул холодный северный ветер и температура воздуха упала до таких величин, что заставила людей одеть теплые вещи. Затем начались затяжные проливные дожди. Они напоили землю до слякоти и прекратились. Выглянувшее за ними жаркое августовское солнце быстро высушило землю и преобразило все вокруг. Порыжевшие бугры приняли сочный весенний зеленый окрас от буйно пустившихся в рост трав, интенсивно вытягивающих влагу из земли, напоенную проливными дождями.

В это время и приехали к нам в деревню цыгане. Они поставили свои палатки среди роскошного по своей колоритности зеленого ковра трав на окраине деревни. Цыганки быстро пробежали по деревни, собирая всевозможные дары от сердобольных селян за свои гадания, а вечером в таборе цыган запыхали костры, послышались их гортанные голоса, запиликала гармошка.

Молодежь в нашей деревне изнывала от скуки. Стационарной киноустановке в клубе не было, потому кинофильмы в нем показывал киномеханик, приезжавший два раза в неделю с передвижной установкой. Заведующий клубом, не имел ни какого музыкального образования, поэтому вся его работа сводилась к открытию и закрытию клуба. Приезд цыган молодые деревенские парни и девушки восприняли с энтузиазмом, как возможность как то развлечься, поэтому вечером многие из них поспешили в цыганский табор. Там их радушно встретили, устроили импровизированный концерт, показом цыганских песен и плясок. Цыганки, окружив молодежь, наперебой стали им предлагать свои услуги.

– Молодая (молодой), красивая (красивый), давай погадаю, всю правду тебе расскажу, что было, есть и будет, – обещали они им.

И их льстивые слова доходили до цели. Парни и девушки за гадания расплачивались с ними кто как мог, деньгами, продуктами или чем то другим. Нас, малолеток, цыгане к себе не пускали и мы довольствовались тем, что стояли не далеко от палаток смотрели и слушали, что делается в таборе. Многие мы конечно увидеть не могли, поэтому делали всяческие попытки туда попасть, но цыгане это строго пресекали. Но вскоре мне в этом плане крупно повезло, и я смог вплотную познакомиться с жизнью табора.

Моя семья, как и многие другие семьи в ту пору, жила бедно. Чтобы как то разнообразить наш скудный стол, я, каждый день с утра пораньше, едва протерев глаза бежал на речку с удочками. Там у меня было прикормленное место, с которого я собирал очередную дань с речного рыбьего царства, преподнося его прожорливым членам вкусных земляных червей, выкопанных мною у себя в огороде, где они пребывали, во множестве. Со мной рядом обычно ловил рыбу мой, живший напротив нас, сосед пенсионер, примечательная фигура среди наших сельчан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.